

Сергей Розанов

Р64

Приключения Травки

Рисунки А. Могилевского

Издание пятое

Огиз

Молодая гвардия

1933

Про Травку

Травка — это мальчик. Он маленький. Посматривает всюду своими глазками, про все ему хочется узнать. Как первая весенняя травка в поле, смотрит он на весь мир, на солнце, на птичек, на лес и подставляет ветру свою головку. Очень еще не скоро будет Травка большим, и станут его важно называть Митрофаном Трофимовичем или как-нибудь еще. А пока зовут Травкой. И очень хорошо.

Травка на лыжах

Травка с папой и мамой живет в Москве, в Петровском парке. Папа целыми днями на работе, мама тоже работает. И Травка работает. В детском саду он недавно слепил трехтрубный крейсер. А еще они всей средней группой сделали железную дорогу. Жаль только, что поезд не катится сам. Приходится его тащить за нитку. А остальное все как настоящее.

Когда в детском саду кончаются занятия, Травка ходит на лыжах. Детские лыжи купили ему еще в прошлом году. Он выучился смело спускаться с горы и с палками и без палок. И ходит довольно быстро. Даже от папы не отстает, а про маму и говорить нечего. И ребят из детского сада перегоняет всех.

Главное, чтобы ремни на лыжах были в порядке и по ноге, чтобы варежки были потеплее, а то руки будут мерзнуть, чтобы на палках всегда были целы кружки. А выучиться ходить на лыжах не так уж трудно.

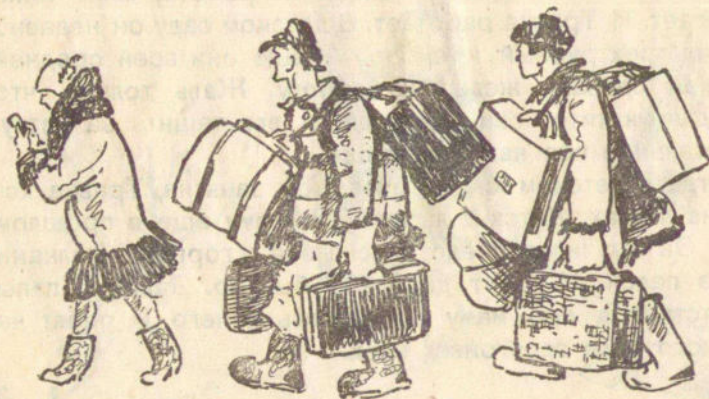
Травка с папой едут в гости

В выходной день папа поехал к товарищу по работе на дачу кататься на лыжах. Товарищ жил на даче зиму и лето. В детском саду в этот день тоже не было занятий. Папа взял Травку с собой. Они сели на извозчика. Лыжи держали в коленях. Мама вышла усаживать Травку и сказала папе:

— Смотри, пожалуйста, чтобы ничего не случилось.

Папа ответил: «Хорошо», а Травка промолчал. Он-то знал, что ничего не случится.

Извозчик задержал вожжами и зачмокал. Он был древний старичок, и лошадка тоже была древняя. Они ехали очень долго. Но все-таки приехали на вокзал.

На вокзале

На вокзале была суета. Люди вбегали в вокзал бегом. Старушка все хотела пройти в левую дверь, на которой было написано «ВЫХОД», а ее не пускали. Заграничная гражданка смотрела в маленькую книжечку и спрашивала о чем-то встречных. Она с трудом говорила по-русски. Сзади нее шли два носильщика и несли одиннадцать чемоданов, а может быть и еще больше.

Травка хотел спросить у папы, почему все так спешат, но папа посмотрел на вокзальные часы и тоже заспешил. Маленькая стрелка на часах показывала 12, а большая—9. Папа поставил лыжи к стенке и сказал Травке:

— Сиди здесь и жди меня. Никуда не уходи. Я пойду брать билеты.

Папа берет билеты

Травка встал около лыж и начал смотреть, на часы. Большая стрелка, как на пружинке, скакнула с одной черточки на другую. Потом постояла минутку на месте и опять—скок! Травка ни-

когда не видал таких часов, у которых стрелки скачут. Он решил обязательно спросить у папы про это, а потом рассказать ребятам в детском саду.

Вдруг народу стало еще больше. Травка увидел папину меховую лыжную куртку и бросился за ней. Папа шел под руку с незнакомой тетей и о чем-то с ней разговаривал. Они спешили. Травка сказал:

— Папа, а как же лыжи?

Папина спина что-то буркнула в ответ, и они еще быстрее зашагали вместе с тетей на перрон, где садятся на поезд. Травка уцепился за папину куртку и побежал за ними.

Рыжий дядя

Когда дошли до свободного вагона, папа сказал не своим голосом: «Ну, Петька, лезь». Взял Травку за руку и хотел посадить на ступеньку. Но тут Травка увидел, что это вовсе не папа, а какой-то чужой дядя с рыжей бородой и в очках. Дядя сказал довольно сердито:

— Откуда ты, мальчик? И где же Петька?

Сзади стояла женщина, похожая на няню. У нее на руках сидел мальчик ростом чуть побольше Травки. Няня закричала:

— Петя эват-он! А я смотрю — вы мальчика ведете, думаю, знакомый, что ли, какой.

Мальчик, который сидел на руках, почему-то заплакал.

Травка не успел ничего сказать и конечно не стал плакать. Он только подумал, что очень стыдно таким большим мальчикам сидеть на руках.

В это время раздался свисток, паровоз загудел. Поезд двинулся и ушел. На поезде уехали рыжий дядя, его

знакомая, Петя с няней и все остальные пассажиры. На перроне остался только начальник станции в красной фуражке и Травка.

Травка потерялся

Папа взял билеты и вернулся на то место, где оставил Травку. Лыжи валялись под лавкой, а мальчика не было. У папы сразу упало сердце. Он посмотрел под лавку, потом залез на нее, чтобы лучше было видно в толпе, и крикнул громко:

— Травка! Травка!

Некоторые пассажиры обернулись и засмеялись. Толстый швейцар в синем костюме с золотым воротником подошел к папе и сказал:

— Гражданин, ногами становиться не полагается. Слезьте с ореховой мебели.

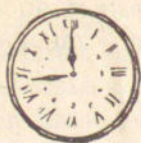
— Я мальчика потерял. Понимаете, сына. Маленький такой, на ладошке родинка, и рот испачкан чернильным карандашом. Вы не видали?

— Нет, не видал, — ответил швейцар. — А кричать на вокзале все же не полагается.

Он повернулся и пошел к дверям. Папа бросился за ним.

На улице все так же спешили люди. Пришел поезд, и целая толпа пассажиров с мешками, кулками, чемоданами, сундуками и желтыми деревянными коробками выходила из вокзала. Папа спрашивал пассажиров, милиционеров, извозчиков. Папа догонял мальчиков и даже девочек и засматривал им в лицо. Травки нигде не было.

Папа вернулся на вокзал. На том месте, где он оставил Травку, не было ни Травки, ни лыж.

KACCA

Папа и контролер

«Уже не уехал ли он?» подумал папа и побежал на перрон.

— Ваш билет! — сказал ему контролер, как только он добежал до решетчатой дверки перрона. — Не видите разве надпись: «ПРИГОТОВЬТЕ ВАШИ БИЛЕТЫ»?

Папа дрожащей рукой протянул контролеру билеты, свой и Травкин.

— Ваш билет не годится, — сказал контролер. — Не видите разве на билетах надпись: «Годен только на тот поезд, на который выдан»? Ваш поезд давно ушел.

— А вы не видели, здесь проходил мальчик? — спросил папа, стараясь сделать приятное лицо. — Маленький такой, ротик в чернилах.

— Здесь много мальчиков проходило, — ответил контролер, — и потом, прошу вас, прочтите надпись: «КОНТРОЛЕРУ ВОПРОСОВ НЕ ЗАДАВАТЬ».

Папа отправляет телеграмму

Папа осмотрел через решетку весь перрон. Травки не было видно. «Он конечно уехал, — решил папа. — Нужно скорей отправить телеграмму». Он подошел к окошечку телеграфа. Телеграфистка дала ему синий листок бумаги. Папа написал на ней все, что нужно, заплатил за каждое слово по 15 копеек и стал смотреть, как телеграфистка отправляет телеграмму.

Она подошла к маленькому столику, на котором стояло колесо. На колесе, как на катушке, была намотана узкая полоска бумаги. Около колеса были круглые металлические коробки и медная полоска с деревянной

ручкой. Телеграфистка взялась за деревянную ручку и начала выстукивать: цик, цик-цик-циииик-цик-цик-цик-ци...

Телеграмма пошла

По проволоке, которая на высоких столбах вдоль железной дороги, быстро-быстро побежали невидные электрические искры. Быстрее поезда, быстрее автомо-

биля, быстрее аэроплана, быстрее ветра. На железнодорожной станции, где сидела другая телеграфистка и стоял такой же телеграфный аппарат, с катушки поползла бумажная лента. На ней стояли точки и черточки. Это электричество, посланное телеграфисткой из Москвы, нажимало маленькое перышко, и перышко ставило на ленте черточки и точки.

У телеграфистов своя азбука. Одна точка и одна черточка (· —) обозначают букву А. Одна черточка и три точки (—···) — букву Б. И так каждая буква обозначается только черточками и точками.

Телеграфистка, принимавшая телеграмму, стала смотреть на бумажную ленту и писать на бумажке вместо телеграфных букв обыкновенные. Получилось вот что:

С-л-у-ч-а-й-н-о у-е-х-а-л м-а-л-ь-ч-и-к в-е-р-н-и-т-е р-о-д-и-т-е-л-я-м.

Что случилось с Травкой

Когда поезд ушел и Травка остался один, он почувствовал беспокойство: а вдруг папа уехал на дачу и оставил его одного? Да нет, быть этого не может. Папа никогда бы так не сделал.

В это время к Травке подошел начальник станции и спросил:

— Послушайте, мальчик, вы что же, провожали кого-нибудь? Такой маленький — и вдруг один. Вот что значит октябренок. Или даже пионер?

Травка не был октябренком. Для пионеров он был еще мал. Но он почувствовал себя совсем большим. Он заложил руки в карманы своей лыжной курточки и важно ответил:

— Я не очень маленький. Я средний. Меня папа даже взял с собой кататься на лыжах. Но только потерялся.

Начальник станции открыл глаза, поднял кверху брови и наклонился к мальчику. Издали его можно было принять за вопросительный знак.

— Кто потерялся?

— Мой папа.

Начальник станции почему-то улыбнулся, но не обидно, а добро.

— Ну, мы сейчас его разыщем, — сказал он, взял Травку за руку и повел его через калитку, на которой было написано:

СЛУЖЕБНЫЙ ПРОХОД

Травка решил быть самостоятельным

Травке было очень приятно, что такой важный человек ведет его через служебный проход и называет на «вы», как большого. Он решил быть совсем самостоятельным. Ему хотелось даже, чтобы папа подольше не находился.

Они пришли на вокзал. Травка без труда узнал место против часов, где он сидел с лыжами и дожидался папу. Он даже остановил начальника и попросил его минутку подождать, чтобы посмотреть на часы.

Большая стрелка прыгала попрежнему. Она подходила к цифре 6. Маленькая стрелка застряла где-то между цифрами 12 и 1.

Около лавки не было ни папы, ни лыж.

Напали на след

Начальника станции все знали и здоровались с ним. Он спросил швейцара с золотым воротником про Травкиного папу.

— Да, да. Бегал гражданин, искал мальчика. А вот куда он делся, право, не знаю. Что же вы, товарищ

начальник, мне раньше-то не сказали? Я бы спросил, куда он пойдет.

Другой служащий, сторож, долго прислушивался, как Травка рассказывал про папу и про лыжи, и наконец вмешался в разговор.

— Видел я твоего папу. Лыжи он взял в охапку и бегом на поезд. Я уж подумал, не жулик ли. Он все по сторонам смотрел. Видно, искал тебя.

Нужно было действовать решительно и быстро

Нужно было действовать решительно и быстро. Вот поэтому-то Травка очень решительно обратился к своему другу — начальнику:

— Товарищ начальник, дайте мне, пожалуйста, бесплатный билет до станции «Пролетарская». Оттуда я дорогу знаю. По правой стороне, как пруд пройдешь, против колхозной палатки дача № 16.

Начальник опять улыбнулся, кашлянул, помычал и наконец произнес:

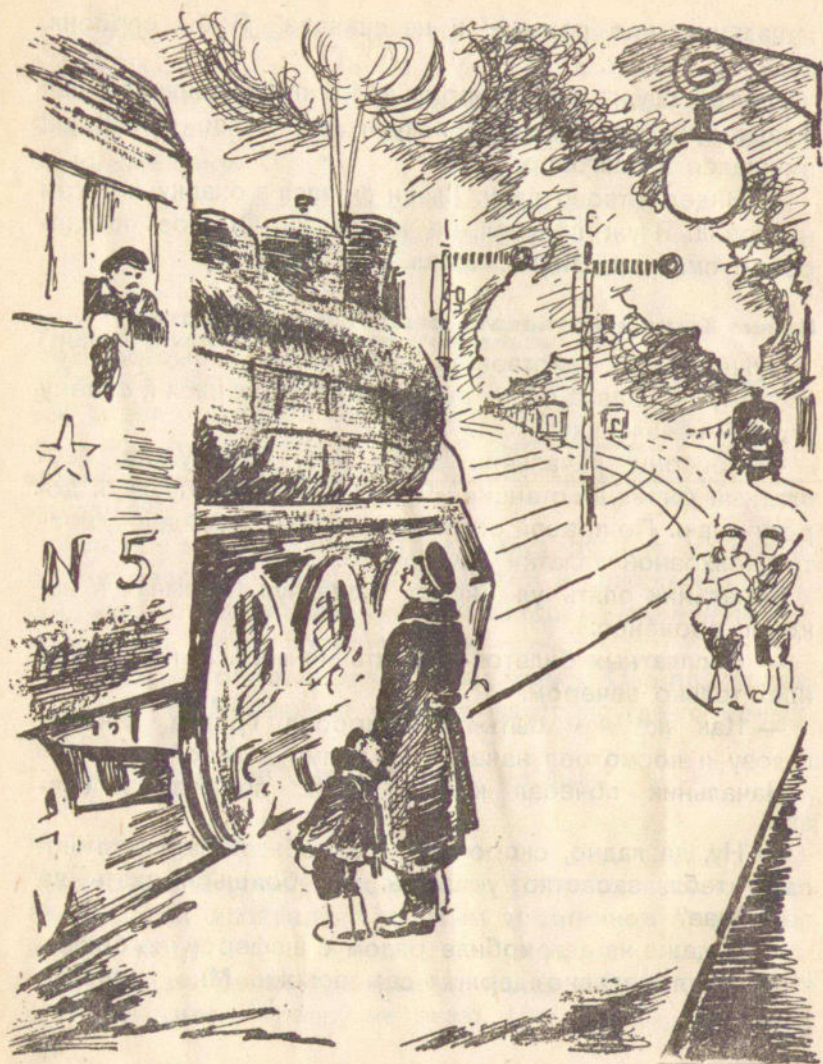
— Бесплатных билетов я давать не могу. И поезд туда идет только вечером.

— Как же нам быть-то? — спросил Травка, закинул голову и посмотрел начальнику прямо в лицо.

Начальник почесал кончик носа, помычал и сказал:

— Ну, да ладно, скоро идет служебный паровоз. Посажу тебя, засветло успеешь. Не боишься ехать на паровозе?

— Я даже на автомобиле рядом с шофером не боюсь. И потом я недавно держал сам вожжи. Мне извозчик давал.

Паровоз

И вот начальник станции повел Травку через рельсы куда-то в сторону от перрона. Итти было трудно. Один раз Травка больно ударился ногой о рельсы. Хотелось заплакать, но Травка не заплакал, а только потер ногу.

— Почему так много рельсов?—спросил он.

— А это потому, что тут много поездов собирается. Для каждого поезда свой путь. Видишь, сколько паровозов стоит?

— Вижу! А скоро наш паровоз?

— Да вот он.

Они подошли к громадному черному паровозу. В паровозе что-то громко шипело. Пахло раскаленным примусом. Травке сделалось немножко страшно. Он крепко схватил начальникову руку.

— Ну, ну, не бойся, малыш,—ласково сказал начальник, совсем как папа; и громко закричал:

— Эй, Беляков!

Черный человек

Травка только хотел сказать, что он ничуть и не боится, как в паровозном окошке показался человек, с виду совсем не похожий на Белякова. На нем была черная куртка, черная замасленная фуражка, в руках он держал грязную тряпку, и даже лицо у него было блестящее и черное, как у трубочиста.

— Что скажете, товарищ начальник?—закричал черный Беляков, стараясь перекричать свою машину.

— Вот пассажира тебе привел. Босьми его с собой.

На «Пролетарской» ссадишь. Только смотри, не потеряй, как родной папаша потерял. Скоро отправляетесь-то?

— Семафора ждем, товарищ начальник!

— Ага... мм-мм... — помычал вместо ответа начальник и протянул Травке руку.

Николай Иванович

— Ну, прощай, брат, — сказал начальник станции. — Да как тебя звать-то?

— Травка.

— Травка? Чудно что-то. Тебя что же, октябрили?

— Не знаю... Нет... просто так. А тебя как зовут?

— Меня Николай Ивановичем зовут, — ответил начальник станции.

Он взял Травку, высоко поднял на руках и посадил на паровоз.

— Ну, прощай, брат Травка, не забывай. Кланяйся своему папаше.

Травка решил никогда не забывать Николая Ивановича и даже подумал:

«Как жаль, что человеку нельзя иметь вместо папы и мамы двоих пап. Вот было бы хорошо! Мама никогда ничего не позволяет и всего боится, а с папой страшно интересно и весело. Другим папой, вместо мамы, был бы Николай Иванович, начальник станции. Жили бы они вместе: теперешний папа, Николай Иванович и Травка. А мама ходила бы к ним в гости».

Травка на паровозе

На площадке паровоза было темно и жарко. Прямо перед Травкой была громадная черная машина с руч-

ками, колесами вроде автомобильных рулей, медными трубками и круглыми коробками вроде часов. Пол трясется. Медные краны и трубки шипели. Травка не знал даже, куда смотреть. Он стоял перед машиной и боялся шевельнуться.

Вдруг сзади него раздался громкий крик:

— Ну-ка с дороги! Зашибу!

Травка и не заметил, что, кроме Белякова, на паровозе был еще один человек, наверное помощник Белякова.

Он подошел откуда-то сзади. В руках у него была большая черная лопата, похожая на совок. Он открыл круглую чугунную дверь машины, и Травку обдало таким светом и жаром, что он поневоле отскочил в самый угол и отвернулся лицом к стене.

Незнакомый человек стал быстро подхватывать на лопату черный и блестящий каменный уголь и бросать его в топку машины. От скрежета и лязга у Травки зазвенело в ушах. Наконец круглая дверь с грохотом закрылась, и Травка осторожно обернулся.

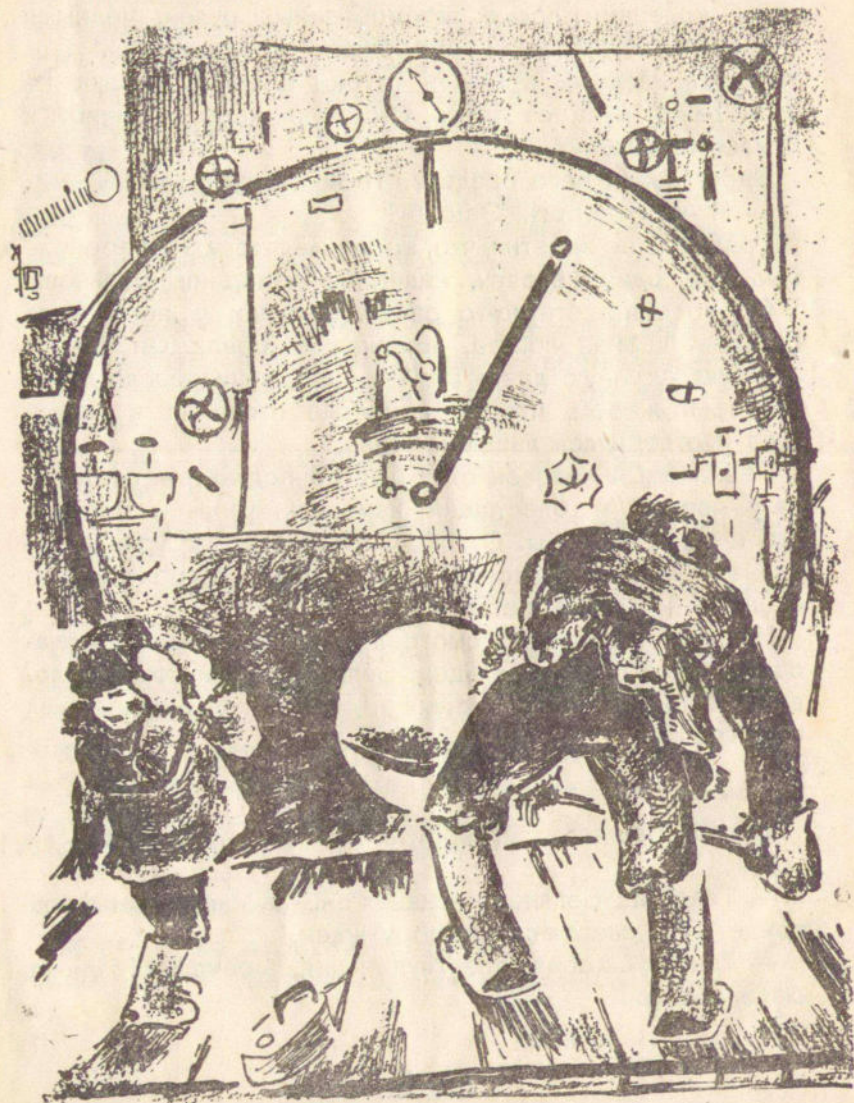
Незнакомый человек смотрел на стрелку машинных часов и тукнул по ним пальцем. Беляков высунулся наполовину из паровозного окошка и совсем как будто забыл про Травку.

Семафор

Травка решил заговорить. Он тронул Белякова за ногу.

— Товарищ Беляков, — сказал он, — а скоро семафора придет? Вы сказали: семафору ждем.

— Так то не семафора, глупенький, а семафор! Иди-ка сюда, смотри!

Беляков схватил Травку подмышки и показал путь перед паровозом. Высоко на железной мачте была приделана белая доска, похожая на большое стрелкозное крыло.

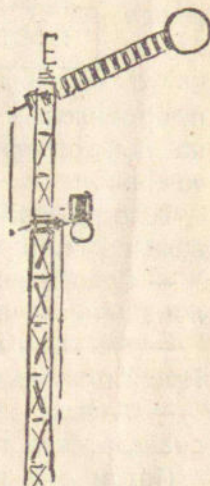
— Это и есть семафор, — сказал Беляков. — Сейчас он опущен, значит отправляться нельзя. Впереди идет поезд, мы можем его догнать. Ударим его в задний вагон — случится крушение.

— Смотри-ка, шевелится, поднимается! — закричал Травка и захлопал в ладоши.

И правда, заскрипела туго натянутая проволока, и доска семафора поднялась в воздухе, как пионерская рука.

— Ну, можно отправляться, — сказал Беляков.

Он потянул за веревку. Паровоз заревел так, что у Травки даже задрожали зубы. Беляков повернул какое-то колесо, потом потянул к себе рукоятку, и паровоз медленно тронулся со станции.

Папа получает ответ

В это самое время папа ходил быстрыми шагами мимо телеграфного окошка. Он очень волновался. По телеграфу должен был притти ответ со станции «Пролетарская». Но ответа все не было. Папа хотел уже посылать вторую телеграмму, но аппарат перед телеграфисткой вдруг за-

стрекотал, из него полезла узкая бумажная лента. Тут папа не выдержал. Он открыл дверь с надписью:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩАЕТСЯ

и бросился к аппарату. Он схватил ленту в руки, но на ней стояли только точки и черточки, черточки и точки.

Телеграфистка удивленно посмотрела на папу и сказала не особенно вежливо:

— Гражданин, прочли? Ну, и выходите из служебного помещения.

— Но я не понимаю по... вашему,—произнес папа.— Прочтите мне, пожалуйста.

— А если не понимаете, то стойте за окошком!—Это сказала папе телеграфистка.

Потом она посмотрела на ленту и быстро написала что-то на листке бумаги.

— Вот ваш ответ,—сказала она и протянула за окошко сложенный листок.

Папа вышел из комнаты, стараясь ничего не задеть на ходу, и взял в руки телеграфный бланк. На нем было написано:

Обыскали весь поезд поисках случайных мальчиков точка таковых не обнаружено точка нахождении вышлем точка.

Телефон

Ответ был написан непонятно. Но папа все-таки понял, что Травки на поезде нет.

«Не вернулся ли он домой, этакий шустрый мальчишка? — подумал папа. — Нужно позвонить по телефону».

Он просунул голову в телеграфное окошко и попросил тихим и жалобным голосом позволения поговорить по телефону. Телеграфистка была добрая. Она видела, что папа очень расстроен, и позволила.

Папа снова вошел в комнату, взял телефонную трубку и приложил ее к уху. Рычаг, на котором висела трубка, поднялся, проволочки в телефонном аппарате соединились, и по ним побежал электрический ток прямо на центральную телефонную станцию. Там были устроены большие черные доски с гнездышками. К этим гнездышкам подходят провода половины московских телефонов.

На одной доске загорелась малюсенькая лампочка. Перед доской сидела телефонистка. На голове у нее был обруч с телефонной трубкой. Телефонистка увидела зажженную лампочку, присоединилась к вокзальному телефону и сказала папе:

— Центральная...

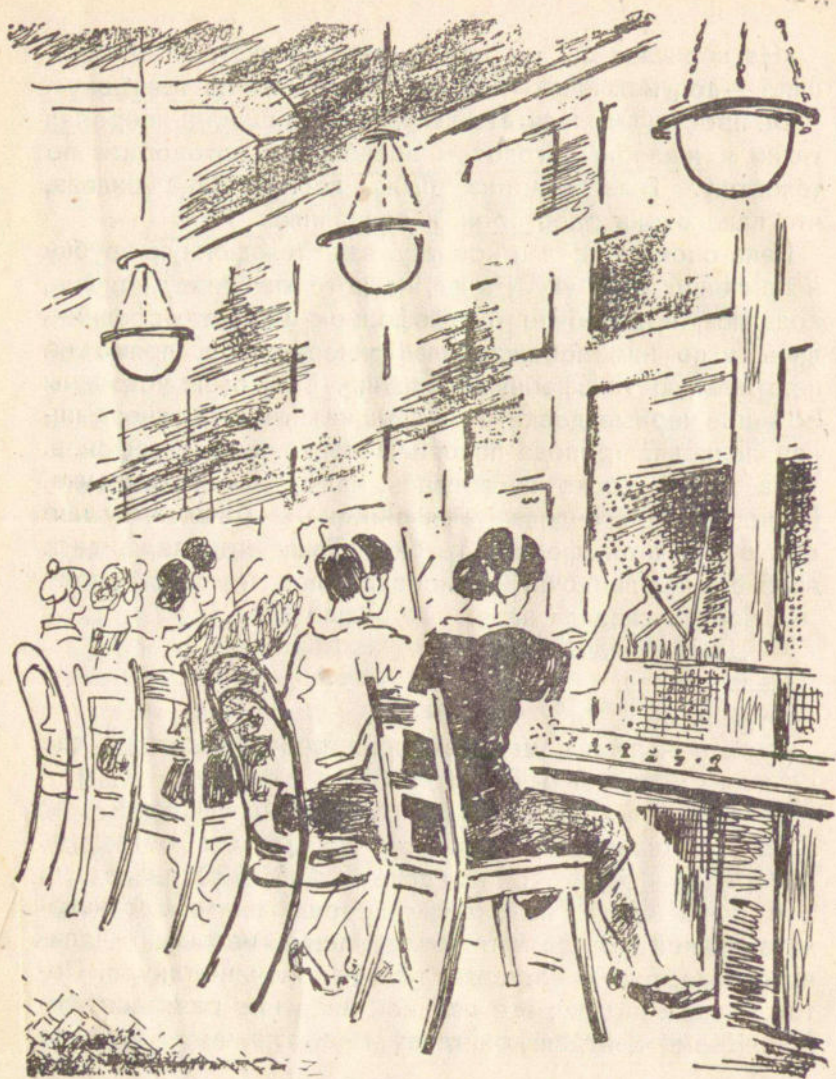
Папа сказал:

— 3-84-62.

Это он назвал номер телефона своей квартиры, где он жил с Травкой и с мамой.

Телефонистка взяла шнур с блестящим наконечником; в шнуре оканчивался провод вокзального телефона.

Перед телефонисткой на доске было 60 000 гнездышек. Это очень много, но она так хорошо знала, где находится какой номер, что сразу нашла гнездышко папиного телефона и вставила туда наконечник шнура. Потом нажала кнопку, и в папиной квартире раздался звонок. Кроме центральной телефонной станции, в Москве

есть еще автоматическая станция. Она устроена так, что соединение телефонов происходит без помощи телефонисток.

Разговор

Мама взяла трубку, и между ней и папой начался разговор.

— Я слушаю.

— Скажи, пожалуйста, Травка уже пообедал?

Мама не узнала папиного голоса. Она подумала, что говорит ее брат (Травкин дядя), и ответила:

— Травки нет дома. Он уехал вместе с папой на дачу кататься на лыжах.

Папин голос:

— Да нет, он захотел вернуться. Это говорю я—папа!

— Он не возвращался... Как же ты отпустил его одного?—прошптала мама очень испуганно и выронила трубку из рук.

Папа хотел рассказать всю правду, объяснить, что Травка потерялся нечаянно, но мама не откликнулась.

Тогда папа быстро положил трубку и бегом бросился из комнаты. Телеграфистка посмотрела ему вслед, встала и заперла на крючок дверь с надписью:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Грузовик

На дворе вокзала стоял большущий грузовой автомобиль. Грузчики уложили на платформу грузовика 60 тяжелых мешков с мукой. Погрузка кончилась. Рабочие

закрывали железными болтами откидной борт платформы.

Папа подбежал к рабочим. Он очень волновался. От волнения он с трудом выговаривал слова:

— Братцы! Товарищи! Вы не в Петровский ли парк?

— Ну да, в Петровский, — ответил один рабочий. — Муку везем на хлебозавод.

— Может быть, меня подвезете? — попросил папа. — На трамвае очень долго, а у меня несчастье, видите ли.

Наверное, и правда было видно, что у папы случилось несчастье.

Старший рабочий сказал:

— Ну садись, что ли, довезем.

Папа залез на мешки.

Шофер сошел с своего места, завел ручкой мотор, потом сел за руль. Рядом с сидением шофера была длинная железная палка с круглой черной головкой. Шофер передвинул эту палку, нажал ногой педаль, и машина с грохотом понеслась по улицам Москвы.

Через двадцать минут папа уже звонил у дверей своей квартиры. Никто не откликнулся. Тогда папа своим ключом открыл дверь и вошел в комнаты. Мамы нигде не было.

Что случилось с мамой

С мамой ничего не случилось. Когда она немного оправилась от испуга, она решила, что Травка конечно поехал к дяде. Он каждый выходной день ездил туда в гости. Там у Коли, Травкиного двоюродного брата, был очень интересный живой уголок.

Но только почему же папа спрашивал, не вернулся ли Травка домой?

Телефон уже разъединился, а у Травкиного дяди (маминого брата) телефона в квартире не было. Она подождала, не позвонит ли папа еще раз. Однако никто

не звонил. Тогда мама вспомнила, что можно послать почто-телефонограмму, и вышла на улицу.

Почто-телефонограмма

На улицах Москвы выстроены большие красивые будки. В них помещаются Справочное бюро и Бюро разных

поручений. Мама подошла к такой будке и попросила отправить почто-телефонограмму.

— Уплатите пятьдесят копеек, — сказала заведующая Справочным бюро и протянула маме бланк.

Мама заплатила деньги и написала:

«Нет ли у вас Травки? Ответьте немедленно».

Потом написала адрес и подписалась.

Заведующая позвонила по телефону в свою главную контору. Там записали мамино письмо и отдали почтальону. Почтальон сел на мотоциклетку и помчался к Травкиному дяде отвозить письмо.

Травка есть

Мама пришла домой. Бледный и взлохмаченный папа встретил ее в дверях. Он был весь вывален в муке.

— Что же делать? Что же делать? — сказал он и схватился обеими руками за голову.

Мама хотела его поругать за то, что он так неосторожно отпустил Травку одного, но увидела, что папа сильно расстроен, и промолчала. Она только произнесла печальным голосом:

— Ты хоть бы почистился. — И дала папе щетку.

А когда папа рассказал ей всю правду, рассказал про телеграмму, про то, что лыжи исчезли, мама опять сильно испугалась: уж не украл ли Травку кто-нибудь?

Вдруг за окном раздался такой стук и треск, будто стреляли сразу из десяти пистолетов. Мама посмотрела в окно и увидела почтовую мотоциклетку. Она сказала папе, немножко повеселев:

— Это ответ от дяди. Сейчас мы все узнаем. — И пошла открывать дверь почтальону.

Через минуту папа и мама перечитывали ответную почто-телефонограмму:

«Травка есть. Послезавтра Коля привезет».

Такси

Ждать до послезавтра было невозможно. Папа и мама посмотрели друг на друга и без слов решили: нужно ехать к дяде сейчас же.

— Едем? — спросила мама.

Папа ответил — «хорошо», и оба они стали скорее надевать калоши. Мама попадала правой ногой в левую калошу и очень сердилась, что калоша не надевается. Папа не смел сказать ни слова.

— Это все ты, — проворчала мама, нагнулась и надела наконец калоши как следует.

На улице трамвай очень долго не шел. А недалеко стоял небольшой закрытый автомобиль коричневого цвета. Папа сказал:

— Хочешь, поедem на такси? Это гораздо скорее и не очень дорого.

- Мама кивнула головой. Она любила ездить на такси. Они подошли к автомобилю, на котором было написано: «ТАКСОМОТОР».

Перед сидением шофера был приделан счетчик — чер-

ная коробочка с голубым железным флажком, а на флажке надпись — «свободен».

Шофер повернул флажок вниз. Папа и мама сели в автомобиль, сказали, куда ехать. Шофер пустил машину. Колеса автомобиля завертелись, и вместе с ними завертелось в счетчике маленькое колесико. Это колесико было соединено с колесом автомобиля тоненькой цепочкой. Автомобиль проезжал километры, а колесико в счетчике отщелкивало цифры: за каждый километр по 40 копеек.

Когда папа и мама садились в такси, на счетчике были только два пустых белых квадратика, а когда подъехали к дядиному дому, на счетчике стояли цифры: 2 р. 80 к. Это счетчик показал, сколько нужно платить за дорогу.

У дяди

Дядя был дома и читал газету. Коля возился в своем живом уголке.

Вдруг раздался звонок. Коля побежал отпирать. Папа и мама вошли в переднюю. Мама сказала:

— А мы — за Травкой!

Коля ответил:

— Сейчас, — побежал и принес маленький цветочный горшочек. В горшочке ежиком торчала нежная зеленая трава.

— Сам растил! — сказал Коля с важностью. — Вы, наверное, хотите подарить ее кому-нибудь на рождение? Что ж, возьмите, мне не жалко, я себе еще выращу!

Коля был рад услужить, и вообще он был добрый мальчик.

Тут из комнаты вышел дядя с газетой в руках. Папа

и мама стояли в передней и не раздевались. Мама уже плакала. А папа молчал. Дядя с трудом понял, что случилось. Он сказал:

— Что же вы не сообщили в милицию? Нужно сейчас же сообщить.

Паровоз идет

Паровоз с Травкой подходил в это время к станции «Пролетарская».

Беляков рассказывает:

— Оттого и называется паровоз, что паром возит.

— Это-то я знаю!—говорит Травка.

— Внутри машины—котел, а под котлом топка—печка, что ли, по-твоему. В котле—вода. Вода кипит, из нее получается пар. Пар хочет вырваться, идет по трубам, попадает к поршням. И вот выталкивает то один поршень, то другой. Как пробку из деревянного пистолета, только гораздо сильнее. Поршни соединены с колесами и вертят колеса. Вот паровоз и идет.

— Понимаю,—говорит Травка.—А зачем часы?

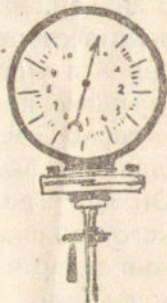
— Какие часы?

— А вот на машине.

— Это не часы, глупенький. Это манометр. Он показывает, сколько пара в котле накопилось, сильно ли пар давит на поршни.

— Понимаю,—говорит Травка очень решительно: ему совсем не хочется быть глупеньким.

На поворотах Беляков дергает за веревку. Паровоз

ревет Но Травка уже привык. Он ничего не боится. Из-под паровозных колес вырывается пар: пафф-пафф-пафф! пафф-пафф-пафф! На маленьких станциях паровоз ревет и не останавливается. Телеграфные столбы бегут мимо паровоза, словно кто-то тянет их веревочками. А веревочки—это провода. Сзади столбов вертятся белые снежные поля. А совсем далеко деревушки несутся с паровозом наперегонки.

Приехали

Вот перед станцией «Пролетарская» поднялся семафор—пожалуйста, есть для вас свободный путь.

Беляков передвинул ручку, повернул колесо на машине, и паровоз медленно остановился, но не рядом со станцией, где останавливаются все поезда, а где-то далеко в стороне. До белого здания станции нужно было перейти много-много рельсов.

Травке не хотелось уходить с паровоза: уж очень интересно Беляков про все рассказывал. Помощник машиниста был тоже хороший, хотя с виду и сердитый. Он дал Травке в дороге стакан теплого чая из жестяного чайника и маленький кусочек сахара. Травка положил сахар в рот и запивал чаем. Было гораздо вкуснее, чем дома.

Когда Травке нужно было слезать с паровоза, помощник машиниста был уже на земле. Он подхватил Травку на руки и поставил между рельсами.

— Спасибо,—сказал Травка.—Прощайте, товарищ Беляков.

— Прощай, прощай, мальчуган. Дорогу-то знаешь?

— Знаю! Прощайте, товарищ помощник машиниста,

Беляков был высоко на паровозе, и ему Травка сделал пионерский салют. Помощник стоял рядом. Травка протянул ему руку. Помощник снял черную кожаную перчатку, пожал Травкину руку и погладил его по щеке. Рука помощника была жесткая, как железо, и от нее пахло паровозом. Но Травке было приятно.

Травка один

Травка быстро прошел мимо белого здания станции и направился по дачной дороге. Все было белое. Вместо широкого песочного тротуара виднелась узенькая тропинка. Она была протоптана по снегу. Дачи были заколочены и совсем не похожи на летние дачи. Летом на террасах висели белые занавески. Летом многих дач совсем не было видно из-за зеленых деревьев.

Травка отошел довольно далеко от станции. Ларька нигде не было. Пруда тоже.

Солнце садилось. Становилось очень холодно. Подул ветер. Травке сделалось страшно и грустно. Он прислонился к дереву и заплакал.

Рояльный волк

Вдруг раздался тоненький голосок:

— Как тебе не стыдно, мальчик? Такой большой, а плачешь! Вот стыдно!

Травка протер глаза и увидел прямо перед собой девочку, тоже не очень маленькую, а среднюю. Неизвестно, откуда подошла девочка. Она тащила за веревочку игрушечные санки, а в санках сидела кукла.

У Травки сразу высохли слезы. Он шмыгнул носом и ответил:

— И вовсе я не плачу... А потом, может быть, я волка видел!

— Здесь волков нет,—сказала девочка довольно громко. Потом помолчала и спросила шопотом:—А какой волк, большой?

— Большущий, больше рояля!—сказал Травка и уже представил себе, как прямо на них ковыляет на трех ногах рояльный волк, открывает громадный рот, и зубы у него, как клавиши рояля,—черные и белые.

— Но я тебя защищу,—прибавил Травка и похлопал себе по карману: в кармане у него был маленький перочинный ножичек с костяной ручкой.

Измайловы не дождались гостей

Девочке очень понравилось, что Травка такой страшный. Она решила с ним поближе познакомиться и спросила:

— А что ты тут делаешь?

— Я приехал в гости к знакомым.

— К каким знакомым?

— К Измайловым.

— А Измайловы уехали в город на трехчасовом! Они ждали гостей, к ним никто не приехал, вот они и уехали в Москву! Все уехали и дачу на замок заперли!

— А где их дача?

— Их дача дальше по дороге.

— А где же пруд?

— Пруд вот он. Только сейчас он под снегом.—И девочка показала на белую полянку, вокруг которой стояли сосны, укутанные снегом, как кроличьими шкурками.

У Травки опять сделалось горько в носу, и на глазах показались слезы. А девочка, чтобы утешить его, сказала:
— Хочешь, пойдем со мной на станцию?

Солнечка

— Пойдем, — сказал Травка, — только сначала давай познакомимся. Тебя как зовут?

— Меня зовут Сонечка. А тебя?

Травка не успел ответить. На лицо девочки вдруг попал светлый солнечный луч. Он защекотал ей глаза и нос. Сонечка сощурилась и чихнула на всю улицу:

— А-пчих!

Травка засмеялся и сказал:

— Солнечка, тебя солнышко чихать заставляет!

А потом засмеялся еще громче:

— Как у меня вышло-то смешно — Солнечка! Ну, я тебя так и буду звать — Солнечка. А меня зовут Травка.

— Неправда, — сказала девочка, — таких имен не бывает.

— Нет, бывает. Меня зовут Травкой, потому что я люблю солнышко. И тебя тоже буду любить: ведь ты Солнечка. Девочка хотела рассердиться, а потом тоже засмеялась.

— Травка!

— Солнечка!

Травка в гостях

Дети взялись за руки и пошли на станцию. Куклу вез в санях Травка. Дети всю дорогу болтали. Было похоже, что чирикают воробьи.

— А ты на каком поезде приехал?

— Я не на поезде приехал, а на паровозе. Вот страшно было! Но я ничего не боялся. У меня есть знакомый машинист Беляков, а потом еще начальник станции знакомый!

Травка все это рассказывал очень важно. Только вдруг Солнечка перебила его:

— У меня у самой папа — начальник станции. Я всегда здесь живу и знаю все поезда.

Они пришли на станцию. Вышел Солнечкин папа. Дети рассказали ему, как они встретились, и все Травкины приключения. Солнечкин папа посмотрел на Травку и сказал:

— Так ты, значит, и есть пропавший мальчик? А родители по тебе беспокоятся! Как же мне с тобой быть? Поезд в Москву пойдет только в семь часов вечера. Ну, да ладно, — в девятом часу будешь дома. А пока придется тебе подождать у нас.

Он отвел Травку к себе домой. Жили они рядом со станцией. Солнечкина мама накормила Травку обедом. А после обеда дети играли в палочку-выручалочку и в кооператив.

Папа и мама

Папа и мама Травки не знали, что он жив, здоров и даже весел. Мама сидела дома бледная и с заплаканными глазами. Она ничего не говорила.

Папа звонил по телефону в милицию. В милиции ответили, что нужно было заявить о пропаже мальчика еще на вокзале, но что они поищут. Папа звонил по телефону ко всем знакомым. И все знакомые знали, что пропал Травка. И все знакомые беспокоились вместе с папой и мамой.

Тетя Манеша, руководительница детского сада, несколько раз приходила и спрашивала о Травке.

Травки все не было.

Наконец папа сказал:

— Я пойду в редакцию газеты. Нужно дать объявление. Газету все читают. Может быть, кто-нибудь видел нашего сыночка и скажет нам.

Мама ответила печальным голосом:

— Хорошо, иди. Я посижу здесь, у телефона.

Редактор

Был уже вечер. Но папа знал, что газета печатается ночью. Ранним утром ее отправляют по железным дорогам во все города и с утра продают на улицах Москвы.

Папа был знаком с редактором. Он рассказал редактору свое горе. Но редактор покачал головой и сказал со вздохом:

— Не могу напечатать про Травку. Никак не могу. Места нет. Вы же знаете, что сегодня выходной день, все отдыхают, и в типографии работает только сорок человек. Мы выпускаем завтра совсем маленькую газету.

— Ну, как-нибудь, Михаил Ефимович, вы же понимаете, такое несчастье... — проговорил папа, и глаза у него заблестели, как у маленького.

В это самое время в комнату вошел сотрудник газеты. В руках у него был большой газетный лист, напечатанный только с одной стороны. Он положил лист на стол. Редактор взял красный карандаш, начал чертить по листу, и говорить сотруднику:

— Это выделить (и провел длинную красную черту), это набрать крупным шрифтом (он подчеркнул какое-то слово два раза), а вот это выбросить совсем (он зачеркнул несколько строчек большим красным крестом и приделал к кресту длинный выющийся хвостик).

Потом он поднял голову и сказал папе:

— Ну, ваше счастье! Освободилось местечко. Давайте сюда объявление.

Папа присел к столу и быстро написал, что пропал мальчик по имени Травка, и если кто-нибудь увидит этого мальчика, обязательно пусть позвонит по телефону к папе на службу или домой.

Редактор посмотрел на папино писание, что-то подчеркнул, что-то перечеркнул, что-то исправил и сказал:

— Идите в типографию и скажите, что я просил немедленно набрать и включить в завтрашний номер.

Газету набирают

В типографии было темновато, пахло краской и душным дымом. В первой комнате стояли машины. Каждая из них была величиной в два стола, поставленных друг на друга. Машины эти называются линотипами. Перед

каждой машиной сидело по одному наборщику-лино-типисту.

Папа подошел к линотиписту и протянул ему листок. Линотипист положил перед собой и стал нажимать клавиши своей машины. Нажмет клавишу — и внутри машины упадет, куда нужно, узенькая медная полоска с буквой-формочкой на конце. Линотипист нажимал клавиши. Машина стрекотала, как много кузнечиков. Нужные буквы-формочки становились в ряд. Когда из них составила́сь целая строчка, в машине раздался негромкий звонок. Линотипист повернул ручку. Буквы-формочки заполнились свинцом. Он повернул ручку в другую сторону, и прямо на стол выпала тяжелая блестящая полоска серебряного цвета. На одном краешке этой полоски уместились первые слова папиного объявления.

Папа хотел взять полоску в руки, но чуть не закричал. Она была горячая, как кипящий самовар.

На машине, которая называется линотип, делаются слова и строчки из горячего расплавленного свинца. И когда строчка готова, нужно обязательно подождать, пока она остынет. А то можно и вправду обжечься.

Десять строчек папиного объявления были готовы в пять минут. Папа надел на руку перчатку, взял строчки и понес их тому самому сотруднику, который приносил к редактору газетный лист.

Верстка

Перед сотрудником на большом железном столе было уложено много строчек буквами кверху. Из всех этих строчек получилась большая серебряная доска величи-

ною с целую газету. Папа увидел на этой доске, сложенной из строчек, название газеты, потом какой-то рисунок и много-много маленьких букв. Прочсть их было трудно. Буквы были такие, какие можно увидеть, если посмотреть на газету в зеркало. Сотрудник взял папины строчки и вставил их в свободное место собранной газетной доски.

Вся собранная из строчек газетная доска лежала в прочной железной раме. Сотрудник покрепче подвернул винты на углах рамы, чтобы строчки не могли рассыпаться, и сказал громким голосом:

— Верстка готова. Берите набор в машину. (Сотрудник был здесь самый главный.)

Подошли два рабочих, с трудом подняли раму с газетным набором и понесли ее к печатной машине.

12 часов ночи

Было уже около 12 часов ночи. Папа подумал: «А вдруг Травка уже дома, а я тут задерживаю занятых людей?»

Он пошел в контору и оттуда позвонил по телефону домой. Мама спросила испуганным тихим голосом:

— Кто говорит?

Мама боялась, что Травка попал под трамвай или под поезд. Она вздрагивала от каждого телефонного звонка. Ей казалось, что по телефону она узнает про Травку что-нибудь ужасное.

Папа понял по маминому голосу, что Травки дома нет. Папа постарался говорить как можно веселее, чтобы успокоить ее.

— Это говорю я — папа. Я из типографии. Я сам слежу,

как печатается объявление. Завтра мы, наверное, все узнаем.

Было 12 часов ночи, а Травки не было дома, и неизвестно, где он был.

Газета печатается

Раму с газетным набором вложили в машину. В машине был громадный валик, намазанный черной краской. Валик прокатился по газетному набору, и все буквы из серебряных стали черными. Потом доска с набором двинулась под вращающийся барабан, на котором лежал большой лист белой бумаги. Барабан прижал лист к набору и все буквы, рисунки, цифры и черточки отпечатались на листе черной краской.

Так получилась газетная страница ¹. Папа подошел к машине и увидел в самом углу страницы свое объявление. Там было напечатано крупными буквами:

ПРОПАЛ МАЛЬЧИК

и дальше было сказано, как зовут этого мальчика и по какому телефону нужно сказать, если кто-нибудь его увидит.

Папа попросил позволения взять один листок газеты. Ему позволили. Листок еще мазался черной краской. Папа аккуратно сложил его и спрятал в карман — показать маме. Потом папа поехал в Петровский парк.

¹ Для печатания газет изобретены ротационные машины. Эти машины гораздо сложнее, но зато и работают очень быстро. А газет ведь нужно много.

Травка собирается домой

В половине седьмого за Травкой пришли со станции «Пролетарская». Ему не хотелось уезжать. Уж очень весело было играть с Солнечкой. Но ведь в Москве ждали и беспокоились папа и мама.

Травка попрощался со всеми за руку и сказал на прощанье своей подруге:

— Солнечка, ты приезжай к нам в детский сад. У нас есть лыжи и санки, мы покатаемся с горы. Я покажу тебе трехтрубный крейсер и нашу общую железную дорогу.

Солнечкина мама смотрела на Травку и улыбалась.

Потом Травка оделся и пошел на станцию. Солнечка хотела его проводить, а мама не пустила — поздно.

Поезд подходит

Было уже темно. Травка стоял с Солнечкиным папой на платформе. К станции подходил громадный черный поезд. Впереди у него было три фонаря. Они светили в темноте, как яркие окна.

Пассажиры засуетились и забегали. Колхозник в желтом полушубке, с двумя тяжелыми корзинками в руках, побежал навстречу поезду. Какой-то гражданин выбежал из станции; в одной руке у него был громадный узел, а в другой — ребенок лет четырех. Он положил узел на платформу, поставил ребеночка рядом и бросился обратно в здание станции. Вдруг он опять выскочил, в одной руке он держал узел, еще больше прежнего, а подмышкой у него был ребенок двух лет. Гражданин поставил ребеночка рядом с прежним, положил узел и снова убежал. Наконец он вышел; в руках у него было два

узла и корзинка. Сзади него шла женщина, у которой на руках был грудной ребенок и много маленьких свертков.

«Это, наверное, мама всех этих детей», подумал Травка.

Поезд подходил со страшным грохотом и шумом. Травка закрыл уши руками. Он не боялся, — только уж очень громко громыхал поезд и очень уж он был большой. Поезд остановился. Паровоз зашипел и задышал, как будто ему было страшно трудно везти за собой столько вагонов и он сильно устал.

Старший кондуктор

К начальнику станции подбежал седой и строгий человек с записной книжкой в руках и со свистком на серебряной цепочке. Это был старший кондуктор, самый главный во всем поезде.

— Все благополучно, — сказал кондуктор. — Можно отправляться?

— Отправляйтесь, Семеныч, — ответил начальник станции. — Захватите кстати этого мальчугана. С родителями разъехался.

— Куда же его? В милицию, что ли, сдать?

— Зачем же в милицию? Он мальчик смывленный. Посадите его в трамвай, доедет до дому.

— Конечно доеду! — сказал Травка.

Домой

Травку посадили в отдельную комнатку вагона. Там ехали только кондуктора. Билета у Травки никто не спрашивал, и никто с ним всю дорогу не говорил.

В Москве на вокзале быстро-быстро провели его через служебный проход. Травка хотел спросить, где

его знакомый, Николай Иванович, но побоялся. Кондуктор, который вел Травку, был очень сердитый. Травку вывели из вокзала на улицу и оставили под часами. Кондуктор спросил только на прощанье:

- Деньги-то у тебя есть?
- Есть, — ответил Травка.
- Ну, садись на трамвай и поезжай домой.

Трамвай идет в парк

Мимо вокзала шел трамвай № 6, совершенно пустой. Травка сбежал со ступенек, побежал, побежал и догнал трамвай у самой остановки.

Вместе с Травкой в трамвай садилось очень много людей. Они толкались и давили друг друга.

Трамвайный кондуктор стоял на площадке и кричал громким голосом:

— Трамвай идет в парк! Трамвай идет в парк!

«А мне и надо в парк», подумал Травка, схватился за ручки и вошел в вагон.

В вагоне было много свободного места. Травка забрался в самый уголок, уселся поудобнее и уснул. Во сне он видел Солнечку, рыжего дядю, Николая Ивановича, машиниста Беякова, ребят из детского сада и свою маму. Мама будто шила на машинке. Машинка шумела: ук-ук-ук-ук...

Травке было тепло и уютно, иногда только дуло в ноги. Тогда Травка говорил маме:

— Мама, закрой форточку!

Мама закрывала форточку и снова становилось тепло.

Трамвайный парк

Оказывается, вагон шел не в Петровский парк, где жил Травка, а в трамвайный парк, куда собираются трамвайные вагоны на ночь.

Был еще только вечер, и этот вагон ушел с работы раньше других вагонов.

Как только вагон вошел в парк, кондуктор поспешил в контору сдавать билетные деньги. Человек, который управляет трамвайным мотором и ведет вагон, вагоновожатый, взял ключи от мотора и ушел, даже не заглянув в окошко. Обоим им хотелось поскорее освободиться.

А Травка в вагоне крепко спал, свернувшись на лавочке. Снаружи его не было видно.

Уборщица Марья Петровна

Ночью в парк стали собираться трамвайные вагоны. Пришла ночная смена рабочих.

Уборщица Марья Петровна выметала вагоны и тряпкой протирала стекла окон. Она первая увидела спящего Травку.

— Батюшки, что же это такое? Мальчик в вагоне спит. Кто же его здесь оставил? Вставай, мальчик! Мальчик!

Травка повернулся и сквозь сон пробормотал:

— Мамоchка, я никуда больше не поеду. Только дай мне поспать!

Марья Петровна взяла Травку за плечи и сильно потрясла.

Травка открыл глаза, увидел незнакомую женщину, испугался и громко закричал:

— Мама! Мама!

— Ну, что ты, мальчик, не бойся, — ласково сказала Марья Петровна. — С мамой ехал? Как же она тебя забыла?

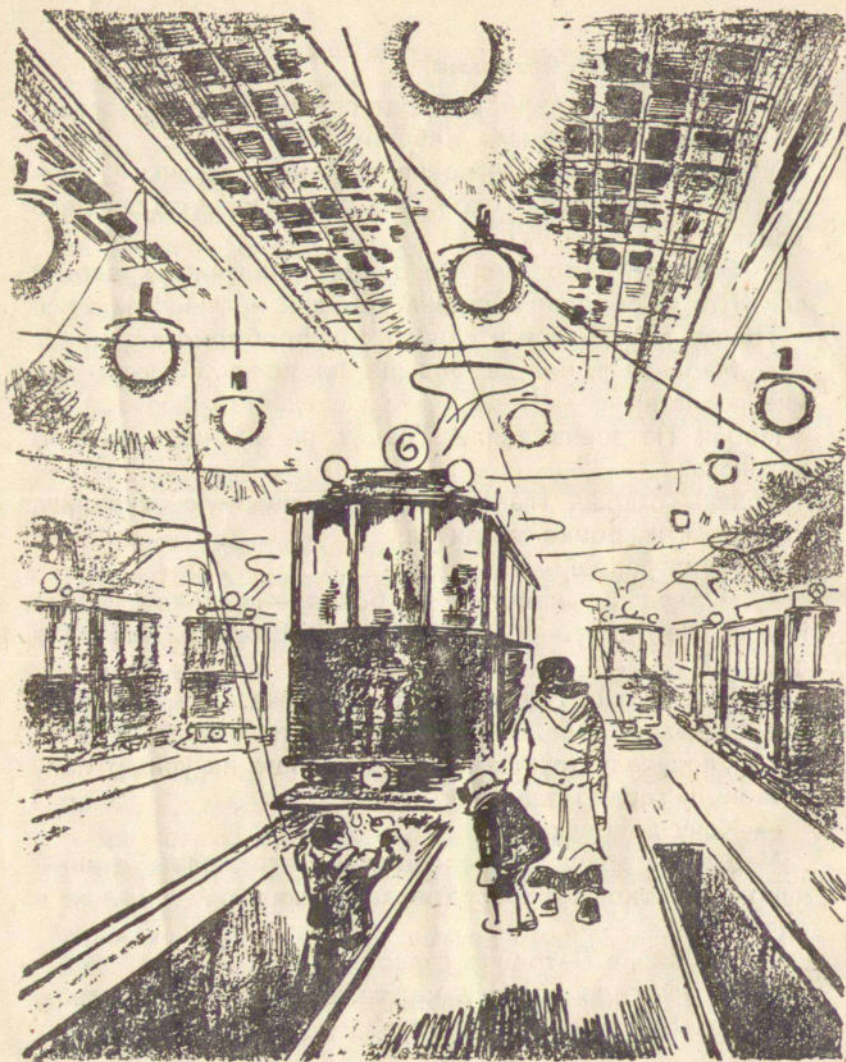
— Нет, я один ехал, — ответил Травка. Тут ему стало очень жалко себя. Он вспомнил, что потерялся еще утром, подумал, что никогда уже больше не увидит папу и маму, и горько заплакал.

— Хочу домой к маме!

Марья Петровна забеспокоилась: что делать с мальчиком глубокой ночью? Травка плакал все сильнее и сильнее.

Тогда Марья Петровна сказала:

— Ах ты, горе мое! Ну, не плачь. Утром найдем твою мамочку. Как звать ее, знаешь?

— Зна-ю!

— Вот утром встанешь, узнаю адрес в Справочном бюро и сама тебя к мамочке отвезу. А сейчас пойдем, отдохни, милый.

И она повела Травку по трамвайному парку.

Где нѹчуют трамваи

Травке очень хотелось спать, но когда он вышел из вагона, сон прошел совершенно.

Ему никогда не приходилось видеть столько трамвайных вагонов сразу. Вагоны стояли длинными рядами, и высоко над ними была стеклянная крыша. Под крышей висели громадные фонари. Они светили так, что на них было больно смотреть. Под крышей, как паутина, перепутались электрические провода. На земле, между трамвайными рельсами, были глубокие канавы. В одной такой канаве стоял рабочий.

Рабочий крикнул:

— Давай!

Трамвайный вагон двинулся и наехал на рабочего сверху. Травка нагнулся под колеса вагона посмотреть, что будет дальше. Рабочий стоял под трамваем. В одной руке у него была электрическая лампа, а в другой — большая отвертка.

— Что он там делает? — спросил Травка.

— Мотор проверяет, — ответила Марья Петровна. — Ну, пойдем скорей, мне работать надо.

Сторож

Она провела Травку в сторожку. Там было очень жарко. В углу сидел сторож и курил папироску.

— Вот приемыша тебе привела, — сказала Марья Петровна. — Пусти переночевать.

— Откуда ты его взяла-то? В трамвае, что ли, кто забыл? Надо бы в милицию позвонить.

— А что ребенка зря ночью по милициям таскать! Проспит до утра, а там видно будет. Утро вечера мудренее.

— Ну, что же, — сказал сторож, — пусть переночует. Вот мы сюда его положим, возле печки.

Сторож тоже хороший

Сторож постелил прямо на пол свой огромный черный тулуп. Марья Петровна сняла с Травки валенки и курточку.

Травка лег на тулуп, положил голову на подушку, сделанную из курточки и валенок. Марья Петровна покрыла Травку своим большим теплым платком, сказала: «ну спи» и ушла.

Травка остался один со сторожем и стал думать:

«Паровоз ходит потому, что там пар, а трамвай почему ходит?»

Он открыл глаза. Сторож смотрел на него и улыбался.

— Ты чего там бормочешь? — спросил сторож у Травки.

— А я думаю, отчего трамвай ходит.

Отчего ходит трамвай

— Трамвай ходит от электричества. С электрической станции идет по проводам электрический ток. На трамвае — дуга. По дуге ток проходит, попадает в мотор. Ну, мотор и вертит колеса. Вагоновожатый стоит на передней площадке и ручку поворачивает. Допускает в мотор тока,

то побольше, то поменьше. Больше ручку повернет, и трамвай идет скорее. Повернет ручку обратно, ток не попадает в мотор, трамвай останавливается.

— Вот что... — сказал Травка. — А санитарный автомобиль отчего ходит?

— Небось оттого, отчего все автомобили ходят. Автомобили, небось, ходят...

Но Травка не дослушал, отчего ходит автомобиль. В сторожке стояла чугунная печка. От печки было тепло. На тулупе было мягко.

Глаза у Травки закрылись. Травка спал.

Утром

Рано утром Марья Петровна разбудила Травку.

Вставать не хотелось. Но когда Травка совсем проснулся, он снова вспомнил папу и маму. Неужели его не ищут?

Он сказал Марье Петровне:

— Тетенька, пойдемте скорее к маме!

— Нет, милый, — сказала тетенька, — сначала чайку нужно попить, да и Справочные бюро еще не открыты.

Сторож снял с печки чайник, достал стаканы, сахар и баранки. Марья Петровна, сторож и Травка попили чайку.

На улице

Снаружи трамвайный парк был довольно похож на обыкновенный трехэтажный дом. Он был из красных кирпичей, только гораздо больше трехэтажного дома и совсем без окон. Вместо окон парк был покрыт стекляннoй крышей.

На здании парка помещались большие часы. Маленькая стрелка на часах показывала 9, а большая—12.

Из парка выходили последние трамваи и отправлялись в разные стороны. На трамвайных остановках толпился народ. Трамвайные вагоны были переполнены. Все спе-

шили на работу. Служащие открывали железные ставни магазинов. Дворники посыпали тротуары песком.

На передней площадке

Марья Петровна вошла на переднюю площадку трамвайного вагона и Травку взяла с собой.

Вагоновожатый сказал очень строго:

— Проходите, женщина с ребенком, в вагон. Здесь не полагается стоять.

Марья Петровна показала вагоновожатому маленький блестящий номерок и сказала:

— Свои. И мальчик со мной.

Больше они не стали разговаривать. Наверное, разговаривать им больше было не о чем, да и нельзя вожатому разговаривать во время хода вагона.

Марья Петровна ехала с Травкой узнавать адрес Травкиной мамы. Она боялась отпустить Травку одного. Она думала, что мальчик адреса не знает. А то почему бы он заблудился?

Они ехали на передней площадке.

Тормоз

Травка стал смотреть, как работает вагоновожатый.

Левой рукой вагоновожатый поворачивал большую ручку с круглой деревянной головкой.

Травка вспомнил, что рассказывал ему сторож в трамвайном парке, и подумал:

«Ишь ты, как мотор громко гудит, когда в него попадает электрический ток!»

Вдруг Травка услышал какое-то шипение.

Шшшшшшшшшш...

Сначала он испугался. Он подумал, что испортился электрический мотор. Но Марья Петровна стояла, как будто ничего не случилось. Вагоновожатый тоже спокойно смотрел вперед и только изо всей силы наступал ногой на звонок. Головка звонка торчала из пола. Она была похожа на шляпку большого толстого гвоздя.

Раздавался громкий трамвайный звон:

Дяньнь-дяньнь-дяньнь-дяньнь...

А кроме звона — шипенье:

Шшшшшшшш...

Люди бегом перебежали трамвайные рельсы. А когда путь был свободен, вагоновожатый снова поворачивал ручку. Трамвай переставал звонить и шипеть и шел быстрее.

«Что же это шипит?» думал Травка.

Спросить было не у кого. Марья Петровна казалась очень сердитой, а с вагоновожатым во время движения разговаривать нельзя. Об этом даже написано на передней площадке.

Вагон подходил к большой площади. Вагоновожатый повернул ручку; вагон замедлил ход, снова зашипел и остановился. Тут Травка заметил, что шипело тогда, когда вагоновожатый поворачивал правой рукой маленькую ручку. Под ручкой была надпись:

Тормоз Вестингауза

Марья Петровна взяла Травку за плечо и сказала:

— Ну, пойдем, надо нам сходить, Вон будка-то стоит —
Справочное бюро,

Когда они сошли с трамвайных ступенек, Травка сказал:

— А я знаю, зачем тормоз. Тормоз — это чтобы останавливать вагон. На паровозе тоже есть тормоз.

— И все-то он знает, и все-то ему нужно, — проворчала Марья Петровна. — Розги бы тебе!

Травка посмотрел на Марью Петровну. Она была сердита. Она работала всю ночь и устала.

Справочное бюро

Это была не та Справочная будка, откуда мама отправляла почто-телефонограмму. Это была другая.

Марья Петровна подошла с Травкой к стеклянному окошечку будки. Окошко было закрыто. Заведующий читал газету.

Марья Петровна не знала, что делать. Травка тоже не знал, что делать. Он стал читать объявление:

Здесь можно узнать адрес любого жителя гор. Москвы

Прошло немного времени. Заведующий заметил Марью Петровну, положил газету, открыл окошко и спросил:

— Вам что угодно, гражданка?

Марья Петровна ответила:

— Мальчишечка вот родителей потерял. Адресочек бы ихний узнать.

Заведующий высунул голову в окошко и увидел Травку.

— Какой мальчишечка? Вот этот?

— Да, этот самый. В трамвае его нашла. Адресочек бы мне. Я бы его домой отвезла, к папаше с мамашей.

— Постой, постой, — сказал заведующий и взял газету. В самом углу газеты было напечатано объявление:

ПРОПАЛ МАЛЬЧИК

— Как зовут мальчика-то?

Травка услышал этот разговор и сказал:

— Меня зовут Травка. Это пока я маленький. А когда я вырасту большой, меня будут звать...

Но заведующий не дал ему договорить, громко засмеялся и закричал:

— Ну, конечно он — Травка. Его родители второй день уже ищут. Вот и объявление в газете. Сейчас мы позвоним по телефону.

У папы на службе

Папа сидел на службе очень печальный. Целую ночь они с мамой не спали. Все ждали каких-нибудь вестей. Утром папа пошел на службу, а мама осталась дома, совсем больная.

На папиной службе все уже знали, что Травка потерялся. Все жалели папу и раздумывали, куда мог деться его сын.

Одни говорили, что мальчик найдется, а другие, что он, наверное, попал под колеса поезда или что-нибудь еще.

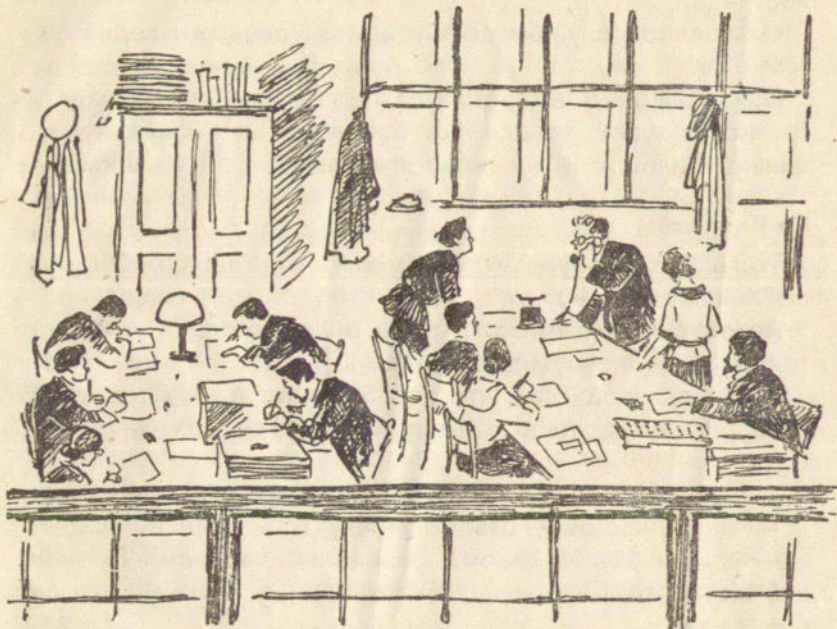
Вдруг раздался телефонный звонок.

Папа взял телефонную трубку и услышал:

— Ваш мальчик нашелся. Сейчас же поезжайте на Страстную площадь. Он стоит у Справочного бюро, рядом с женщиной в сером платке,

— Пожалуйста, держите его! — закричал папа в телефон. — Не отпускайте его ни на минуту! Не спускайте с него глаз! Держите его крепче!

Служащие, которые сидели с папой в одной комнате, повернули головы к папе и слушали изо всех сил. Как

только папа положил трубку, все вскочили со своих стульев, бросились к папе и разом заговорили:

— Что случилось? Поймали? Поймали? Неужели нашелся? Я же говорил!

Из соседней комнаты прибежала женщина, которая тоже там служила, и запищала:

— Неужели отрезало обе ноги? Ведь я же говорила.

Папа встал и сказал решительно:

— Пока не увижу его собственными глазами, ничего не скажу! — Потом он быстро вышел в переднюю, схватил пальто и шапку и бегом бросился вниз по лестнице.

От папиной службы до Страстной площади ходил автобус № 1.

Папа вскочил на автобус. Пальто он успел надеть только в один рукав. На голове у него была чужая шапка. Калоши он не надел совсем, так он спешил.

За бензином

Только в автобусе папа немного отдышался. Он сел поближе к шоферу.

Автобус шел быстро. У папы билось сердце. Ему хотелось поскорее увидеть Травку.

Вдруг папа заметил, что автобус идет не к Страстной площади, а куда-то в сторону. Папа бросился к кондуктору.

— Скажите, кондуктор, куда это мы едем?

— За бензином, — ответил кондуктор.

— Зачем за бензином? За каким бензином? Почему же вы даете билеты до Страстной, а сами едете за бензином?

— Не волнуйтесь, гражданин, куда взяли билет, туда и приедете. А без бензина вовсе никуда не приедете. Бензин выйдет — и мотор перестанет работать.

В это время автобус завернул на маленькую площадь.

Здесь была построена небольшая стеклянная будка, а возле будки стояла колонка с высокими прозрачными

стаканами и большим круглым циферблатом. На колонке виднелся белый матовый шар с надписью: «бензин».

В общем колонка была похожа на огромный градусник для измерения температуры.

Отчего же ходят автомобили

У будки стояла очередь автомобилей-грузовиков, такси и обыкновенных. Был даже один автомобиль для поливки улиц. Зачем он сюда прибыл зимой — неизвестно.

Однако автобус подкатил к бензиновой колонке вне очереди. Шофер вышел из своей будки и подошел к железному баку, который был приделан сзади автобуса. Бак был закрыт большой медной пробкой. Шофер отвинтил пробку, пошел к бензиновой колонке и взял там у служащего резиновую кишку с медным наконечником. Наконечник кишки ввинтили в бак вместо пробки. Служащий повернул ручку, и стало видно, как в стеклянных стаканах колонки появился бензин. Бензин пошел по кишке прямо в автобусный бак. Стрелка циферблата отсчитывала, сколько бензина утекает в автобус.

Когда стрелка показала 30 литров, шофер сказал:
— Довольно!

Потом он стал лить в мотор густое желтое машинное масло, потом стал проверять мотор — то заведет, то остановит.

Папа несколько раз подходил к шоферу и просил его ехать поскорее.

— Ничего, успеете, — говорил шофер. — Мы только раз в день останавливаемся; набираем бензина и масла сразу на шесть часов работы. Ничего, успеете! Все скорее чем на трамвае.

Наконец шофер залез в свою будку, дал гудок. Пассажиры расселись по местам, и автобус тронулся.

Неужели Травка снова пропал?

Будка Справочного бюро была видна издалека. Около нее толпился народ, целая очередь.

Папа подбежал к будке и, расталкивая руками людей, стал искать Травку. Травки не было.

Тогда папа извинился и сказал громко:

— Граждане, не видел ли кто-нибудь женщину в сером платке и с ней мальчика? Маленький такой! Травка его зовут!

Какой-то гражданин, стоявший в очереди, ответил за всех:

— Нет, не видали.

Встреча

У папы сразу упало сердце. Он подумал:

«Неужели Травка снова пропал?»

— Позвольте, позвольте, — сказал вдруг человек в кожаной тужурке и с портфелем в руках. — Они, кажется, в будке телефона-автомата. Я сейчас вызывал для них № 3-84-62. Даже свой собственный гривенник в автомат опустил.

Телефон-автомат помещался тут же, при Справочном бюро.

Папа обошел будку и увидел через стеклянную дверь своего Травку. Травка говорил по телефону.

Он увидел папу, отдал телефонную трубку Марье Петровне и выбежал из будки.

Папа поднял Травку на руки, а Травка обнял папу за шею.

Они сначала ничего не говорили, — так было хорошо вдвоем.

Марья Петровна стояла рядом и утирала слезы серым платком.

Наконец Травка сказал:

— Папочка, где же ты был так долго? Я тебя ждал ждал... А ты все не едешь. Я замерз весь. А потом я с мамой говорил по телефону. Мама здорова, только немного соскучилась без меня.

Дома

Папа попрощался с Марьей Петровной, поблагодарил ее, сказал, чтобы заходила в гости. Травка тоже с ней попрощался. Потом они с папой сели на трамвай и поехали домой, в Петровский парк.

По дороге Травка рассказывал свои приключения, а папа — свои. Травка спрашивал:

- Мы позовем в гости Солнечку?
- Позовем обязательно, — ответил папа.
- А Николая Ивановича?
- И Николая Ивановича позовем.
- А Солнечкиных папу и маму?
- Позовем, позовем.

Когда приехали домой, мама заплакала, а папа стал часто вынимать носовой платок и вытирать глаза и нос.

Тогда Травка спросил:

- Чего же вы плачете? Какие вы смешные!
- А мы боялись, что ты совсем пропал, — ответил

папа.

— Ну, — сказал Травка, — как же я пропаду? Я уже не очень маленький. Я — средний.

Мама и папа конечно улыбнулись, а Травка вдруг заторопился:

— Что же я-то? Я и так опоздал на занятие. Идите скорее на работу. Вечерком увидимся и поговорим.

Тут Травка схватил свои вещи и побежал в детский сад.

Вот и вся повесть

Вот и вся повесть о том, как Травка чуть было не потерялся совсем. Травка и сейчас живет с папой и мамой в Петровском парке.

В этой повести все правда.

Ходят по всей земле паровозы и поезда, несется по проводам электрический ток, а в городах печатаются газеты, шумят трамваи, автобусы, автомобили.

Правда и то, что везде работают люди, и что живет где-то на свете маленькая девочка Солнечка, которую я люблю и которой посвящаю эту повесть.

Редатор К. Пискунов Техред. И. Царевич. Сдано в производство 4/II—33 г. Подписано к печати 13/III—33 г. М. Г.—3658
Инд. Д—6 Формат 72×94¹/₁₆ 4 печ. л. 25000 зн. в печ. л.
Уполном. Главлита Б—29340 Тираж 50.000 Заказ 6532.
Третья фабрика книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграф»
книги «Красный пролетарий» Москва, Краснопролетарская 16.